

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатери. каналъ, между Вознес. и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

Нилъ Полевъ В. Жмакина.

О говорахъ казанскаго татарскаго нарѣчія
и объ отношеніи его къ ближайшимъ
къ нему нарѣчіямъ и языкамъ. . . . А. Безсонова.

Лукианъ Мушницкій. П. Кулаковскаго.

Записки о „Руссахъ“ Ибнъ-Фадлана и другихъ
арабскихъ писателяхъ (съ рисункомъ). В. Стасова.

Совѣты и разказы византійскаго боярина
XI вѣка (Окончаніе). В. Васильевскаго.

Критика и библиографія:

Итоги славянской и русской филологіи. А. Кочувинскаго.

Матеріалы для русской библиографіи. Хронологическое
обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ
книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ граж-
данскимъ шрифтомъ. 1725 — 1800. Составилъ
Н. В. Гумберги. Два выпуска Д. Языкова.

Николаевская главная астрономическая об-
серваторія въ 1880 году.

Виленская публичная бібліотека въ 1880
году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: университеты.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки)

ЗАМѢТКИ О „РУСАХЪ“ ИБНЪ-ФАДЛАНА И ДРУГИХЪ АРАБСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Знаменитый Френъ, печатавъ, въ 1823 году, впервые арабскій текстъ Ибнъ-Фадлана, вмѣстѣ съ переводомъ своимъ и изслѣдованіемъ, говоритъ въ предисловіи: „О видѣнныхъ Ибнъ-Фадланомъ (собственными глазами) Русахъ онъ сообщаетъ такое обстоятельное описаніе, какого мы нигдѣ болѣе не встрѣчаемъ, и которое въ то же время выказываетъ въ немъ добросовѣстнаго и внимательнаго наблюдателя. Онъ говоритъ о ихъ тѣлосложеніи, одеждѣ, вооруженіи, женскихъ украшеніяхъ, рисуетъ ихъ нравы и обычаи, указываетъ на существованіе у нихъ письменности, знакомитъ насъ съ предметами ихъ торговли, съ ихъ религіозными обрядами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ живую, необыкновенно интересную картину ихъ похоронныхъ обрядовъ. И что особенно замѣчательно и важно въ отношеніи происхожденія Руси—во всей той картинѣ, которую представляетъ намъ арабскій писатель о положеніи Русовъ на Волгѣ, во время Игоря, сына Рюрика, мы снова находимъ Норманновъ, какъ ихъ описываютъ, около того же самаго времени, франкскіе и англійскіе писатели, и видимъ, какъ Арабъ точно будто протягиваетъ имъ руку на Востокъ. Вслѣдствіе всего этого, разказъ Ибнъ-Фадлана становится безцѣннымъ источникомъ для древнѣйшей русской исторіи“... ¹⁾).

Въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія, прошедшаго съ тѣхъ поръ, у насъ никогда не уменьшалось высокое понятіе о достоинствахъ

¹⁾ *Frähn*, *Ibn-Foszlan*, S. LVII—LVIII.

ЧАСТЬ СОХVІ, ОТД. 2.

и значеніи разказовъ Ибнъ-Фадлана. И это по всей справедливости, потому что Арабъ этотъ, дѣйствительно видѣвшій собственными глазами страны и народы на Волгѣ (что наврядъ ли можно сказать про всѣхъ остальныхъ арабскихъ писателей, до сихъ поръ извѣстныхъ), описываетъ видѣнное съ такою подробностью, добросовѣстностью, живостью и картинностью, какимъ не много можно сыскать примѣровъ между его соплеменниками, писавшими о Востокѣ Европы девять столѣтій тому назадъ. Эти разказы его совершенно справедливо могутъ быть названы и безцѣнными, и несравненными. Поэтому очень понятно, что всѣ наши историки и изслѣдователи, никогда не сомнѣваясь въ правдивости и достовѣрности Ибнъ-Фадлана, постоянно черпали широкою рукою въ описанія его и вносили въ свое изложеніе множество характерныхъ и въ высшей степени важныхъ этнографическихъ чертъ.

Но вотъ что любопытно. Разказы Ибнъ-Фадлана оказывались постоянно пригодными и для нашихъ норманнистовъ, и для нашихъ славистовъ. Покуда у насъ безраздѣльно царствовала система, признававшая норманнское происхожденіе Руси, наши историки, подобно Френу, находили, что въ картинѣ, начерченной Ибнъ-Фадланомъ, вездѣ подъ именемъ „Русовъ“ присутствуютъ Норманны, или по крайней мѣрѣ такіе Русскіе, у которыхъ явно чувствуется сильнѣйшее преобладаніе норманнскихъ нравовъ, обычаевъ и бытовыхъ подробностей. Это они доказывали множествомъ сличеній. Впослѣдствіи, когда явилась оппозиція норманнской теоріи, новые писатели и изслѣдователи, доказывая полное славянство „Руси“ и „Русовъ“, находили въ свою очередь у Ибнъ-Фадлана все только такіе элементы и такіа подробности быта, нравовъ и обычаевъ, которые доказывали несомнѣнное славянство того народа, о которомъ шла рѣчь у арабскаго писателя.

Я нисколько не имѣю въ виду касаться вопроса „о происхожденіи Руси“. Для этого необходимы такіа сложныя изслѣдованія филологическія, географическія, историческія и археологическія, которыя не въ моихъ средствахъ. Но, давно уже интересуюсь разказами Ибнъ-Фадлана, привлекавшими меня характерностью, оригинальностью и картинностью заключавшихся въ нихъ бытовыхъ подробностей, я постоянно разсматривалъ ихъ часть за частью и пришелъ къ тому убѣжденію, что на нихъ смотреть съ точки зрѣнія далеко неудовлетворительной.

Мнѣ казалось, что большинство нашихъ изслѣдователей подвергало точному и подробному разсмотрѣнію лишь меньшинство дан-

ныхъ Ибнъ-Фадлана, и притомъ вовсе не самыхъ важныхъ. Мнѣ казалось, что многія изъ наиболѣе значительныхъ и характерныхъ элементовъ въ разказахъ Ибнъ-Фадлана оставались безъ анатомированія, и свѣдѣнія о нихъ только повторялись буквально за авторомъ. Мнѣ казалось, что если полная достовѣрность фактовъ Ибнъ-Фадлана несомнѣйна, то это еще не значитъ, чтобы тотъ народъ, у котораго эти нравы и обычаи существуютъ, былъ непременно „Русскій народъ“, только потому, что арабскій писатель называетъ его „Русами“. Напротивъ, этнографическіе доводы этому-то и препятствуютъ: чѣмъ больше всматриваешься въ этнографическую сторону дѣла, тѣмъ больше приходишь къ убѣжденію, что въ „Русахъ“ какъ самого Ибнъ-Фадлана, такъ и другихъ арабскихъ писателей (впрочемъ несравненно менѣе его подробныхъ и обстоятельныхъ), не присутствуетъ ничего не только русскаго или вообще славянскаго, но въ большинствѣ случаевъ даже и норманскаго, хотя сходства съ подробностями скандинавскими во всякомъ случаѣ больше. Этими-то соображеніями и посвящены настоящія замѣтки. Только предвараю своего читателя: я не беру на себя разсмотрѣть и объяснить рѣшительно всѣ подробности, встрѣчаемыя у Ибнъ-Фадлана и у другихъ авторовъ. Для этого еще недостаточно удовлетворительны, въ настоящее время, этнографическія изслѣдованія о народахъ, населяющихъ Россію: одни изъ тѣхъ народовъ, которые нужны были бы для сравненій по настоящему вопросу, сильно обрусѣли и потеряли почти всѣ древнія національныя свои особенности, другіе—все еще слишкомъ мало были наблюдаемы и описаны.

Подлежащій разсмотрѣнію матеріалъ я расположу здѣсь не въ томъ случайномъ порядкѣ, какъ онъ представляется у Ибнъ-Фадлана, сообразно съ теченіемъ его разказа, а въ порядкѣ систематическомъ, конечно—въ настоящемъ случаѣ болѣе пригодномъ.

I. Религіозные обряды. „Во время прибытія судовъ Русовъ къ якорному мѣсту“, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, — „каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, подходитъ къ высокому вставленному столбу, имѣющему лицо, похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія, позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается передъ нимъ и говоритъ: „О, господине, я пришелъ изъ далека, со мною дѣвушекъ столько-то и столько-то головъ, соболей столько-то и столько-то шкуръ“, пока не упомянетъ все, что онъ привезъ съ собою изъ своего товара.

Затѣмъ говоритъ: „Этотъ подарокъ принеси я тебѣ“, и оставляетъ принесенное имъ предъ столбомъ, говоря: „Желаю, чтобы ты мнѣ доставилъ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что желаю продать, и не прекословилъ бы мнѣ во всемъ, что я ему ни скажу“. Послѣ того онъ удаляется. Если продажа бываетъ затруднительна, и время ея продолжается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ во второй, въ третій разъ, и если желаемое имъ все еще промедляется, то онъ приноситъ одному изъ тѣхъ малыхъ изображеній подарокъ и проситъ его о ходатайствѣ, говоря: „это жены господина нашего и его дочери“, и онъ не пропускаетъ ни одного изображенія, котораго не просилъ бы и не молилъ бы о ходатайствѣ, и не кланялся бы ему униженно. Часто же продажа бываетъ ему легка, и когда онъ продастъ, то говоритъ: „Господинъ мой исполнилъ мое желаніе, должно вознаградить его за то“. И беретъ онъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, убиваетъ ихъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, остальное же приноситъ и бросаетъ предъ большимъ столбомъ и малыми, его окружающими, и вѣшаетъ головы рогатаго скота и овецъ на столбы, вставленные въ землю, а когда настаетъ ночь, то приходятъ собаки и сѣдаютъ это. Тотъ, который это сдѣлалъ, говоритъ: „Мой господинъ соблаговолилъ ко мнѣ и сѣлъ мой подарокъ“¹⁾.

Въ настоящемъ разказѣ двѣ самыя характерныя особенности: 1) идолы и поставленные свяди ихъ столбы, 2) отношеніе молящагося къ богамъ. Такіе идолы, какіе здѣсь описаны, представляютъ очень характерную особенность. Это идолы, состоящіе изъ столбовъ, съ однимъ только человѣческимъ лицомъ, отесаннымъ изъ дерева, идолы безъ рукъ и безъ ногъ. Подобнаго рода изображенія божествъ встрѣчаются только у народовъ, стоящихъ на самой низкой степени религіознаго развитія, еще недалекой отъ фетишизма. Всего чаще ихъ можно найти у народовъ еще совершенно дикихъ. Было, конечно, время, когда подобные идолы существовали и въ Скандинавіи. Но это было только въ древнѣйшую эпоху. „Деревянный столбъ съ вырѣзанною на немъ головою божества или животнаго“, говоритъ Вейнгольдъ,—„былъ простѣйшимъ изображеніемъ, которому благочестивый отецъ семейства отдавалъ подъ покровительство свой домъ. Но въ мѣстахъ общественнаго богочитанія этимъ уже не довольствовались

¹⁾ Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 95.

въ то время, когда искусство стало развиваться: тогда старались представлять цѣлую фигуру высшихъ существъ, создаваемыхъ фантазіей¹⁾. Въ X вѣкѣ, когда былъ на Волгѣ Ибнъ-Фадланъ, Скандинавы давно уже не стояли на степени грубыхъ дикарей, ихъ мифологія была уже въ полномъ развитіи, искусство также, и если сказанія о похищеніяхъ и дѣланіяхъ скандинавскихъ боговъ образовывали уже цѣлыя поэмы, цѣлыя исторіи, то и изображенія этихъ боговъ давнымъ давно возвысились до той степени если не художественности, то хоть развитости, при которой немислимы уже едва отесанные столбы, стоящіе на открытомъ воздухѣ, съ однимъ только обозначеніемъ лица и съ полнымъ отсутствіемъ рукъ и ногъ, хотя бы только самихъ грубыхъ. Конечно, мы не можемъ представить теперь языческихъ образцовъ національно-скандинавской, то-есть, деревянной скульптуры и архитектуры. Все, что извѣстно въ этомъ родѣ, не восходитъ за предѣлы XII—XIII вѣка, когда введено въ Швецію и Норвегію христіанство. Но и христіанскія церкви, и христіанская скульптура этихъ вѣковъ показываютъ уже такую степень развитости, для достиженія которой нужны были, конечно, многія и многія столѣтія²⁾. „Внутри такихъ храмовъ“, говоритъ Вейнгольдъ, — „стояли идолы, которые, судя по разказамъ легендъ и остаткамъ древнихъ деревянныхъ скандинавскихъ работъ, могутъ почитаться счастливыми подражаніями человѣческихъ фигуръ“. И дѣйствительно, христіанская скульптура XII и XIII вѣковъ въ Швецію и Норвегію полна языческихъ мотивовъ и подробностей несравненно болѣе древней эпохи, чѣмъ XII—XIII вѣка, то-есть, времени по крайней мѣрѣ X вѣка, а вездѣ тутъ уже цѣлыя пропасти отдѣляютъ эти изображенія отъ безформенныхъ младенческихъ истукановъ, описываемыхъ Ибнъ-Фадланомъ. Сверхъ того, нѣкоторые скульптурныя произведенія, сохраняемые въ Копенгагенскомъ музеѣ и приписываемыя X вѣку, а также описанія сагъ, заставляютъ предполагать очень высокую степень развитія скандинавской скульптуры въ эту эпоху³⁾.

Если затѣмъ обратиться къ Славянамъ, будто бы разумѣемымъ у Ибнъ-Фадлана подъ именемъ „Русовъ“, то раньше всего надо спросить: о какихъ Славянахъ мы будемъ говорить здѣсь — о Славянахъ западныхъ, или восточныхъ? Если считать, что у Ибнъ-Фадлана рѣчь

¹⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, S. 419.

²⁾ Dahl, Denkmale einer sehr ausgebildeten Holzbaukunst in Nowegen, атласъ.

³⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, S. 421—423.

идеть о Славянахъ западныхъ, то у нихъ, дѣйствительно, несомнѣнно были около X вѣка деревянные идолы (о которыхъ современныя извѣстія встрѣчаются у Видукинда, Титмара и Массуди, а позднѣйшія— у Адама Бременскаго, Гельмольда и Саксона грамматика). Но впервыхъ, они всегда стояли въ храмахъ, а во вторыхъ, изображали боговъ посредствомъ цѣльныхъ человѣческихъ фигуръ, съ руками и ногами, третьихъ, всѣ они описываются, какъ произведенія очень искусныя ¹⁾. Оно и понятно: у Балтійскихъ Славянъ, подъ вліяніемъ германскаго и скандинавскаго элемента, съ которымъ они такъ часто и такъ долго были въ соприкосновеніи, развилась мнѳологія съ выработанною, вполне развитою личностію боговъ и со жрецами, какихъ вовсе никогда не было у восточныхъ Славянъ. „Въ сферѣ религіозной“, говоритъ Гильфердингъ,—„Балтійскіе Славяне усвоили себѣ германское начало личности и внесли его какъ въ міръ своихъ боговъ, такъ и въ кругъ отношеній человѣка къ этому міру, въ область собственно мнѳологіи и въ область языческаго своего богослуженія. Мнѳологію свою они сдѣлали антропоморфическою, богослуженіе—принадлежностію касты жрецовъ“ ²⁾. Жрецы и храмы составляютъ въ нашемъ вопросѣ призванъ очень важный. Они были на лицо у всѣхъ народностей Германскаго племени и отсутствовали у народовъ Славянскаго племени. Если же они существовали у Балтійскихъ Славянъ, то именно только вслѣдствіе соприкосновенія этихъ послѣднихъ съ германскимъ элементомъ, и потому являлись какъ бы „измѣною“ основнымъ славянскимъ привычкамъ и воззрѣніямъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, кажется, неоспоримо то, что если бы тѣ Русы, которыхъ Ибнъ-Фадланъ видѣлъ на Волгѣ, были Балтійскіе Славяне, или Скандинавы, то совершенно иначе происходило бы ихъ моленіе, чѣмъ описываетъ его арабскій писатель: идолы ихъ стояли бы не на открытомъ воздухѣ, а въ какомъ-нибудь храмѣ, хотя бы самомъ незатѣйливомъ; эти идолы изображали бы собою полныя человѣческія фигуры, и наконецъ, не сами пріѣзжіе купцы приносили бы имъ жертвы, а—жрецы.

Что касается восточныхъ Славянъ, то первое, почему трудно признать за нихъ Ибнъ-Фадлановыхъ „Русовъ“, это—малое количество идоловъ, которое было у нихъ въ обращеніи. До князя Владиміра у нихъ идоловъ вовсе не было (только тогда, говоритъ Несторъ, „Рус-

¹⁾ Цитатъ не привожу: онѣ слишкомъ извѣстны.

²⁾ Гильфердингъ, Исторія Балтійскихъ Славянъ, стр. 159.

ская земля осквернилась кровавыми требами"; ихъ не было, значить, до тѣхъ поръ). Тотъ Перунъ и тотъ Волосъ „скотій богъ“, которыми клялись нѣкоторые воины Олега при заключеніи мира съ Греками, явно были боги Варяговъ, а не Славянъ. Со временъ Владиміра извѣстны, конечно, идолы, Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла, Мокоши, и они стояли внѣ храмовъ, на чистомъ воздухѣ („на холму“, говоритъ Несторъ), и этимъ богамъ приносились жертвы безъ всякихъ жрецовъ, самими молящимися. Но это уже все были боги поздніе (большею частью заимствованные отъ Персовъ или Финновъ), и во всякомъ случаѣ у нашихъ восточныхъ Славянъ ничего не извѣстно про цѣлыя „семейства истукановъ“, какія упоминаются у Ибнъ-Фадлана. Притомъ, ни изъ чего нельзя заключить, чтобъ это были идолы, состоящіе изъ столба съ одною головою, безъ рукъ и безъ ногъ.

Но если бы даже оставить въ сторонѣ всю совокупность этихъ фактовъ, владущихъ такое различіе между Норманнами, западными и восточными Славянами, съ одной стороны, и Ибнъ-Фадлановыми „Русами“ — съ другой, несомнѣннымъ остается то, что у послѣднихъ существовала одна очень важная и характерная подробность богослуженія и жертвоприношенія, которой у первыхъ вовсе не было: это—столбы, поставленные вокругъ идоловъ и назначенные для развѣшиванія остатковъ жертвоприношенія. Существовъ что-нибудь подобное у Норманновъ или Славянъ, навѣрное хоть одинъ бы изъ писателей, повѣствовавшихъ о нихъ, упомянулъ о томъ при описаніи храмовъ или мѣстъ богопоклоненія. Но, кромѣ Ибнъ-Фадлана, мы нигдѣ не встрѣчаемъ этой подробности. А между тѣмъ, это подробность очень важная, которую мы ниже встрѣтимъ въ большомъ распространеніи у народовъ совершенно другаго племени.

Взглянемъ теперь на отношеніе молящихся къ божеству. Отношеніе это у всѣхъ вообще Аріійскихъ народовъ, въ томъ числѣ у Скандинавовъ и у Славянъ, имѣло всегда двойной характеръ: молящійся относился къ своему божеству либо съ просьбой, либо съ благодарностью, съ прославленіемъ ¹⁾. Въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемъ что-то еще другое: молящіеся купцы изъ Русовъ, видѣнные Ибнъ-Фадланомъ на Волгѣ, будучи довольны своею продажей, говорили, что „господинъ мой исполнилъ мое желаніе, надо наградить его за это“. „Награжденіе боговъ“, то-есть, отношеніе уже не

¹⁾ Grimm, Deutsche Mythologie, I-r B., Capitel III, Gottesdienst.

какъ низшаго къ вышему, а какъ равнаго къ равному, или даже вышаго къ низшему, — это такое отношеніе, какого мы никогда не встрѣчаемъ ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ, будь они восточные или западные. Черта очень важная.

II. Погребальныя обряды. Эти обряды были многочисленны и очень многосложны у Русовъ, по разказу Ибнъ-Фадлана. Я не имѣю возможности объяснить ихъ всѣ; не стану также разсматривать тѣ ихъ подробности, которыя встрѣчаются у многихъ другихъ еще народовъ, какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ, какъ-то: неумѣренное питье опьяняющихъ напитковъ, сожженіе умершаго вмѣстѣ съ принадлежавшими ему рабами и оружіемъ, и наконецъ, умерщвленіе при этомъ разныхъ животныхъ (тризна по умершемъ); но обращу особенное вниманіе на такія подробности, которыхъ не встрѣчается въ погребальныхъ обрядахъ у европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и у Норманновъ и Славянъ. Многія изъ нихъ были оставлены нашими изслѣдователями безъ вниманія, но однакоже, придаютъ обычаямъ народа, описываемаго Ибнъ-Фадланомъ, совершенно особенную окраску и фizioномію.

„Послѣ смерти знатнаго Руса“, разказываетъ арабскій писатель, — „его положили въ могилу и накрыли крышкою, въ продолженіе десяти дней, пока не кончили кроенья и шитья одежды его“... Когда насталъ день погребенія, пришли къ могилѣ, сняли землю съ дерева (крыши), равно какъ самое дерево, и вынули мертвеца. Потомъ его одѣли въ новое, нарочно сшитое платье, „надѣли ему на голову мѣховую шапку, понесли въ палатку, которая находилась на лодкѣ (вытащенной изъ воды на берегъ и подпертой бревнами), посадили его на коверъ (покрывавшій скамью) и подперли его подушками“.. Затѣмъ, когда дѣвушка, пожелавшая умереть вмѣстѣ со своимъ бывшимъ господиномъ, уже готовилась къ смерти: „Ей подали курицу, она отрубила ей головку и бросила ее, курицу же взяли и бросили въ судно“. Въ то же время, поднимаясь нѣсколько вверхъ, на карнизъ, и стоя ногами на рукахъ мужчинъ, она говорила: „Вотъ вижу отца моего и мать мою! Вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими! Вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю!“ Затѣмъ старуха, носящая названіе „ангела смерти“ и распоряжающаяся всѣми погребальными обрядами, начиная отъ кройки платья мертвецу и другими приготовленіями и кончая умерщвленіемъ рабыни, пожелавшей умереть вмѣстѣ со своимъ господиномъ, втиснула эту послѣднюю за голову въ палатку на лодкѣ, гдѣ находился мерт-

вещь, и тогда старуха, называемая „ангеломъ смерти“, надѣла ей на шею „веревку, противоположные концы которой она дала двумъ мужчинамъ, чтобъ они тянули, подошла съ большимъ ширококлиннымъ кинжаломъ и начала вонзать его между реберъ ея и вынимать вонъ, а тѣ двое мужчинъ душили ее веревкой, пока она не умретъ“. Послѣ того, трупъ покойнаго преданъ былъ сожженію вмѣстѣ со всѣмъ положеннымъ къ нему въ лодку, и затѣмъ, наконецъ, „построили на томъ мѣстѣ что-то подобное круглому холму и вставили въ середину большое дерево“ ¹⁾. Всѣ эти подробности (кромѣ лодки, о которой ниже) чужды не только Скандинавамъ и Славянамъ, но и вообще европейскимъ народамъ.

Погребеніе или сожиганіе съ „мѣховою шапкой на головѣ“ нигдѣ намъ не встрѣчается, ни у Норманновъ, ни у Славянъ. У этихъ послѣднихъ, единственное исключеніе, мнѣ извѣстное, представляетъ одинъ рисунокъ въ рукописи XIV вѣка: „Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ“, находящейся въ библиотекѣ синодальной типографіи въ Москвѣ: здѣсь убитаго князя Бориса везутъ хоронить, одѣтаго въ полный княжескій костюмъ и съ мѣховою шапкой на головѣ ²⁾. Но такое изображеніе даже и въ этой рукописи составляетъ какое-то совершенно особенное исключеніе: на разныхъ другихъ листахъ этой самой рукописи нарисованы другія погребенія и изображены другіе покойники ³⁾, но нигдѣ у умершихъ и погребаемыхъ нѣтъ шапокъ на головѣ. Всего вѣроятно, шапка на головѣ Бориса есть только знакъ княжескаго достоинства и замѣняетъ корону.

Другая подробность — помѣщеніе покойнаго „въ сидячемъ положеніи“, на коврѣ, покрывающемъ скамью, и подпертымъ подушками, а также состояніе въ раю, „въ сидячемъ же положеніи“, родителей и родственниковъ убиваемой при похоронахъ дѣвушки.

Народы Арійскаго племени, даже въ началѣ среднихъ вѣковъ, никогда не хоронились въ сидячемъ положеніи. Карлъ Великій, посланный въ своемъ склѣбѣ мертвымъ, Сидѣ, мертвымъ помѣщенный въ церкви въ сидячемъ положеніи, — необычайныя исключенія. Притомъ замѣтимъ, Сидѣ похороненъ такъ по собственному завѣщанію. Что касается Славянъ, то правда, въ Лаврентьевской лѣтописи не

¹⁾ Гаркави, стр. 96—101.

²⁾ Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. И. Орешиескій. С.-Пб., 1860, стр. 79.

³⁾ Такъ напримѣръ, стр. 57: умершій отецъ князя Святослава; стр. 93—94: умершій князь Глѣбъ; стр. 105: похороны князя Глѣба.

разъ говорится о томъ, что тѣло умершаго или убитаго князя помещено было на коврѣ и обернуто имъ, но всегда въ лежачемъ, а не въ сидячемъ положеніи. Такъ напримѣръ, въ 977 году, тѣло князя Олега, послѣ его смерти, „положиша на коврѣ“; въ 1015 году, тѣло князя Владиміра Святаго „обертѣвше въ коверъ, възложише на сани, поставиша въ святѣй Богородицѣ“; въ 1097 году, подосланные убійцы, полагая, что убили князя Василько, „и на коврѣ возложиша на кола яко мертвѣ“; въ 1175 году, великій князь Андрей Боголюбскій, послѣ убіенія его, точно также былъ положенъ на коврѣ и обернуть имъ ¹⁾. Вообще говоря, Русскіе въ тѣ времена сидѣли на коврахъ. Исключеніе составляютъ князья. Такъ въ Лаврентьевской лѣтописи сказано, что въ 1100 году князь Владиміръ Мономахъ говорилъ князю Давиду Игоревичу: „Ты сидишь съ братьею своею на одномъ коврѣ“ ²⁾: здѣсь явно говорится не о коврѣ, положенномъ на землю, а покрывающемъ тронъ или престолъ.

Подушка въ обиходѣ восточныхъ Славянъ—заимствованіе позднее. Въ нашихъ лѣтописяхъ и коренныхъ народныхъ преданіяхъ нигдѣ не упоминается подушка, въ теченіе первыхъ столѣтій существованія Русскаго народа, между тѣмъ какъ на западѣ она давно уже была въ употребленіи. Конечно, фрески церквей и миниатюры рукописей представляютъ намъ Христа, евангелистовъ, Богоматерь и другія религіозныя лица сидящими на престолахъ и креслахъ съ подушками (одни изъ самыхъ раннихъ изображеній подобнаго рода — евангелисты „Остромирова евангелія“, Христосъ „Святославова Сборника“ и фрески Софійскаго собора въ Кіевѣ) ³⁾, но здѣсь мы имѣемъ передъ глазами только буквальное повтореніе византійскихъ образцовъ, нисколько не доказывающихъ существованія и въ Россіи изображенныхъ тутъ предметовъ быта. Собственно большинству Русскаго народа подушка на столько была всегда чужда, что рисунки рукописей даже XIV и XV вѣка представляютъ обыкновенно всѣхъ князей, съ ихъ семействами и гостями, сидящими просто на деревянныхъ стульяхъ, креслахъ или скамьяхъ, безъ всякой постлики. Такія фигуры, какъ напримѣръ, миеологическая фигура на

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1872 г., стр. 73, 127, 251, 350.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 263.

³⁾ Святославовъ Сборникъ — въ изданіи Общества любителей древней письменности; киево-софійскія фрески въ *Русскихъ древностяхъ*, изд. Прохоровича, годъ 1871, книга 2-я.

креслѣ съ подушкой, и съ подушкой же подъ ногами, изображенная въ одной изъ заглавныхъ буквъ русскаго Евангелія 1270 года, изъ Румянцевскаго музея, № 105, листъ 167-й ¹⁾, составляетъ такое исключеніе, гдѣ всѣ подробности указываютъ на заимствованіе отъ иноплеменной народности. Что касается до самой собственно главной массы Русскаго народа, то подушка еѣ была всегда до того мало извѣстна и доступна, что даже и до настоящаго времени миллионы Русскихъ ложатся спать, подложивъ подъ голову только полѣно, или свернутый армякъ или полушубокъ.

Что означаетъ далѣе „ангелъ смерти“, подъ видомъ старухи, „черной и съ лютымъ видомъ“, которая звѣрски обращается съ своею жертвой и ускоряетъ смерть ея посредствомъ вонзанія кинжала, по нѣскольку разъ, между ребрами, пока два человека задушатъ дѣвушку веревкой, ткнутой въ разные концы? Эти погребальныя подробности у язычниковъ Арійскаго племени — вещь совершенно неизвѣстная. „Ангелы смерти“, конечно, существовали, во времена среднихъ вѣковъ, въ вѣрованіи разныхъ европейскихъ народовъ, но только со временъ христіанства, какъ замѣчаетъ Гриммъ ²⁾. Въ это время въ „ангеловъ смерти“ превратились прежніе „боги смерти“, очень обыкновенные во всѣхъ вообще мнѳологіяхъ. Во всякомъ случаѣ та „лютая старуха“, которую видѣлъ Ибнъ-Фадланъ у Русовъ на Волгѣ, является чѣмъ-то необыкновеннымъ, если ея приписывать, въ X вѣкѣ, какому бы то ни было языческому народу Арійскаго племени.

Способъ давленія посредствомъ веревки, ткнутой двумя людьми въ разные стороны, при чемъ третье лицо еще ускоряетъ смерть, вонзая между реберъ ножъ, равномерно нигдѣ не упоминается ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ, не только въ теченіе временъ языческихъ, но и послѣ нихъ.

Наконецъ, ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ ничего не извѣстно о деревянныхъ столбахъ, водружаемыхъ послѣ окончанія погребальныхъ обрядовъ, на вершинѣ холма, насыпаннаго тамъ, гдѣ совершено было сожженіе трупа.

Но есть одна подробность въ описаніи Ибнъ-Фадлана, и очень значительная, которая имѣетъ самое близкое сходство съ подобною

¹⁾ Прохоровъ, Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ: *Русскія древности*, 1871 г., книга 4-я, атласъ.

²⁾ Grimm, Deutsche Mythologie, 4-te Ausgabe, 1875—1876, II, 713, 989.

же подробностью у Скандинавовъ и Германцевъ. Это погребеніе мертвеца на лодкѣ, „Вѣдному челоуѣку (умершему)“, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, — „дѣлають у Русовъ небольшое судно, кладутъ его туда, и сожигаютъ его“... И далѣе: „Когда наступилъ день, назначенный для сожженія знатнаго Руса (умершаго въ бытность Ибнъ-Фадлана на Волгѣ), я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло судно, и вотъ—оно уже было вытащено на берегъ, и для него сдѣлали подпоры изъ дерева. Судно натащили на эти столбы“. Въ этомъ суднѣ потомъ и сожгли знатнаго Руса. Въ древности, Германцевъ и Скандинавовъ точно также сожигали на ладьяхъ, не только мужчинъ (мореходцевъ), но даже женщинъ ¹⁾. Это—черта коренная и существенная.

III. Царь Русовъ. Описывая все касающееся царя Русовъ, Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что „во дворцѣ съ нимъ находится 400 челоуѣкъ изъ храбрыхъ сподвижниковъ его и вѣрныхъ ему людей. Они сидятъ подъ его престоломъ, престолъ же его великъ и украшенъ драгоценными камнями. На престолѣ съ нимъ сидитъ 40 дѣвушекъ, назначенныхъ для его постели. Онъ не сходитъ съ престола... Когда онъ желаетъ ѣхать верхомъ, то приводятъ его лошадей къ престолу, и оттуда онъ садится на нее, а когда желаетъ слѣзть, то приводятъ лошадь такъ, что онъ съ нею слѣзаетъ на престолъ“ ²⁾.

Въ этомъ разказѣ не можетъ быть и рѣчи о Норманнахъ, такъ какъ до XII вѣка они не знали у себя верховой ѣзды ³⁾. Верховой ѣздѣ они научились впоследствии у Франковъ, Бриттовъ и Вендовъ ⁴⁾. Что касается до восточныхъ Славянъ (Русскихъ), то въ X вѣкѣ ихъ общее, простое войско не умѣло еще не только сражаться верхомъ, но даже ѣздить на коняхъ, какъ разказываетъ это Левъ Діаконъ подъ 972 годомъ. Новгородцы даже въ XIII вѣкѣ, во время знаменитой Липецкой битвы, говорили своему князю Мстиславу (1216 г.): „не хотимъ умирать на коняхъ, хотимъ драться пѣшіе, какъ отцы наши бились“ ⁵⁾. „Конница“, шедшая берегомъ, во время Олегова похода на Царьградъ, въ 906 году, на 2000 ладьяхъ, состояла, всего вѣроятно, изъ турецкихъ наемниковъ или союзниковъ. Конечно,

¹⁾ *Weinhold*, *Altnordisches Leben*, S. 495—496.

²⁾ *Гаркави*, *Сказанія*, стр. 101.

³⁾ *Геденовъ*, *Варяги и Русь*, т. I, стр. 366.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 369.

⁵⁾ *Карамзинъ*, *Исторія госуд. Росс.*, т. III, примѣч. 168; *Новгородская I лѣтоп.* стр. 34; *Геденовъ*, I, 366—367.

западные Славяне, въ это же самое время, имѣли конныя дружины, а у восточныхъ князья, принадлежа къ другому племени, чѣмъ остальной народъ, также постоянно ѣздили верхомъ (извѣстны примѣры Олега, Святослава). Но во всякомъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ Русскіе князья не сходятся съ тѣмъ изображеніемъ князя Русовъ, какое мы встрѣчаемъ у Ибнъ-Фадлана. Передъ нами такой владыка народный, который сидитъ постоянно, не сходя почти съ мѣста, на какомъ-то такомъ престолѣ, который скорѣе должно назвать не престоломъ, не кресломъ, даже не скамьей, а цѣлымъ помостомъ или эстрадой: здѣсь могло помѣщаться, рядомъ съ княземъ, цѣлыхъ 40 его паложницъ. И эстрада эта, или помость, была настолько возвышена отъ земли, что съ нея можно были садиться въ сѣдло на подведенную лошадь. Такихъ троновъ, въ видѣ обширныхъ эстрадъ, мы не знаемъ ни въ Скандинавіи, ни у Славянъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ.

IV. Одежда и вооруженіе. На счетъ мужскаго костюма Русовъ Ибнъ-Фадланъ дѣлаетъ два показанія, противорѣчашія одно другому. Одинъ разъ онъ говоритъ, что „Русы не надѣваютъ ни куртокъ, ни кафтановъ, но у нихъ мужчина надѣваетъ кису (собственно покрывало), которою онъ обвиваетъ одинъ изъ боковъ и одну руку выпускаетъ изъ-подъ нея“ ¹⁾, а другой разъ разказываетъ, какъ на умершаго Руса, во время приготовленія погребенія, надѣвали шаравары, носки (или башмаки, штиблеты), сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотой матеріи, дибаджа, съ золотыми пуговицами“ ²⁾. Второе извѣстіе кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что встрѣчается также у другихъ арабскихъ писателей ³⁾. Нѣкоторые наши изслѣдователи полагали, что подъ именемъ „кисы“ надо понимать ту верхнюю накидку, называвшуюся у Русскихъ Славянъ „корзно“, которая дѣйствительно носилась такимъ образомъ, что одна рука, выходя изъ-подъ нея, оставалась свободною. Но, во первыхъ, это было одѣяніе по преимуществу княжеское, заимствованное изъ Византіи, какъ это доказываютъ всѣ мѣста лѣтописей, гдѣ упоминается „корзно“, и всѣ древнѣйшія изобра-

¹⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 98.

²⁾ Тамъ же, стр. 98.

³⁾ *Истахри*: «Одежда Русовъ—короткія куртки». *Ибнъ-Хаукал* (впрочемъ повторяющій только извѣстія *Истахри*): «Одежда Русовъ — малыя куртки». *Ибнъ-Даста*: «Русы носятъ шаравары широкія» (*Гаркави*, Сказанія, стр. 193, 221, 269).

женія князей на фрескахъ и въ миниатюрахъ рукописей; остальной народъ не носилъ „корвна“ поверхъ національнаго своего костюма ¹⁾, такъ что даже въ извѣстномъ изображеніи княжескаго семейства Святославова сборника 1078 г. одинъ только самъ князь Святославъ облеченъ въ „корвно“, а всѣ дѣти его—безъ него. А восторныхъ, если даже допустить, что весь народъ Русскій носилъ „корвно“, все-таки никакъ нельзя предположить, на основаніи всего извѣстнаго до сихъ поръ, чтобы „корвно“ носилось прямо по голому тѣлу, безъ всякой другой одежды подъ нивомъ. Какъ въ Византіи, такъ и во всей Европѣ, а также и у насъ, „корвно“ или „метль“ (отъ „Mantel“) служилъ всегда только верхней одеждою, поверхъ нижней, главной и существенной.

Никакія свидѣтельства, письменныя или монументальныя, не указываютъ намъ на то, чтобы Славяне западные или восточные носили такія „куртки“, о какихъ говорятъ Ибнъ-Фадланъ, Истахри и Ибнъ-Гаукаль. Широчайшихъ шароваръ, на которыя, по словамъ Ибнъ-Дасты, идетъ сто локтей матеріи, и которыя собираются и завязываются у колѣна ²⁾, точно также никогда не было у насъ извѣстно. Костюмъ восточныхъ Славянъ, или собственно Русскихъ, состоялъ изъ рубахи и кафтана ниже колѣна, неширокихъ портъ или штановъ, спускающихся до нижней обуви (саноговъ или лаптей); поверхъ этого нижняго костюма надѣвался длинный верхній костюмъ, съ длинными, впоследствии висячими, рукавами ³⁾.

Напротивъ, костюмъ Скандинавовъ заключаетъ многое такое, что встрѣчается и въ костюмѣ Русовъ Ибнъ-Фадлана. Короткая одежда въ родѣ куртки, верхній плащикъ, штаны по колѣно—все это было въ употребленіи у Скандинавовъ ⁴⁾.

Ибнъ-Фадланъ говоритъ про своихъ Русовъ: „Каждый день утромъ у нихъ непременно приходитъ дѣвушка съ большою лаханью съ водою, ставитъ ее передъ своимъ холиномъ, который моетъ въ ней лицо, руки и волосы, моетъ и чешетъ ихъ гребнемъ въ лахани“ ⁵⁾. Значитъ, у этихъ Русовъ волосы были длинные. Послѣ основательныхъ

¹⁾ Прохоровъ, Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ: *Русскія древности*, 1871, атласъ.

²⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 269.

³⁾ Прохоровъ, Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ, атласъ.

⁴⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, S. 163—167.

⁵⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 94.

ислѣдованій Геденова, теперь не можетъ быть, кажется, сомнѣнiя въ томъ, что Славяне-язычники, какъ западные, такъ и восточные, стригли или брили себѣ голову и бороду, только оставляя чубы на головѣ, и что они стали носить длинные волосы на головѣ и на бородѣ лишь со времени принятiя христіанства ¹⁾. Поэтому, Русы Ибнъ-Фадлана, имѣющіе длинные волосы на головѣ, не суть Славяне. Напротивъ, они именно въ этомъ имѣютъ нѣкоторые сходство со всѣми народами Германскаго племени (значить, въ томъ числѣ и со Скандинавами), такъ какъ у этихъ народовъ длинные волосы были отличительнымъ знакомъ свободного мужа; бритая голова—клеймомъ раба. Обритіе головы считалось у нихъ высшимъ безчестіемъ ²⁾.

Про костюмъ женщинъ у Русовъ Ибнъ-Фадланъ не говоритъ, но упоминаетъ только о ихъ украшеніяхъ: ожерельяхъ на шеѣ въ видѣ золотыхъ цѣпей, а также изъ бусъ, и о пряжкахъ или браслетахъ на ногахъ; наконецъ онъ говоритъ: „Каждая женщина имѣетъ на груди прикрѣпленную коробочку изъ желѣза ли, изъ мѣди ли, изъ серебра ли, или изъ золота, по состоянію мужа и по его имуществу; въ каждой же коробочкѣ есть кольцо, къ коему прикрѣпленъ ножъ, также на груди“ ³⁾. Ожерелья изъ металла или изъ бусъ не составляютъ какой-нибудь особенности, когда неизвѣстна точная ихъ форма и орнаментистика. Они общи слишкомъ многимъ народамъ. Что же касается до коробочекъ, носимыхъ на груди, съ прикрѣпленнымъ къ нимъ ножомъ, то о таковыхъ ничего не извѣстно ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ.

Про оружіе Русовъ Ибнъ-Фадланъ говоритъ: „Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сѣкиру; мечи же ихъ широкіе, волнообразные, клинки франкской работы. Начиная отъ конца ногтя каждаго изъ нихъ до его шеи видны зеленныя деревья, изображенія и другія вещи“. Упоминаются также щиты ⁴⁾. Щиты, мечи и ножи—все это оружіе, общее большинству народовъ; однакоже, надо замѣтить, ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ неизвѣстно мечей съ волнообразнымъ лезвиемъ и съ такими многосложными узорами, о какихъ говоритъ Ибнъ-Фадланъ. Что же касается сѣкиры, то, по за-

¹⁾ Геденовъ, Варяги и Русь, I, стр. 360—365.

²⁾ Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, I, 239—241, 283—286; II, 702—703; Геденовъ, I, 365.

³⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 93, 99.

⁴⁾ Тамъ же.

мѣчанію Гедеонова, именно главнаго скандинавскаго оружія, двуструнной сѣкиры, ни восточные, ни западные Славяне не употребляли: нѣтъ извѣстнаго былъ только тотъ топоръ, который и до сихъ поръ извѣстенъ у насъ ¹⁾ и имѣетъ форму, совершенно отличную отъ формы не только западной сѣкиры, но и западнаго топора.

Слѣдовательно, и по оружію, и по волосамъ Русы Ибнъ-Фадлана имѣютъ нѣкоторое сходство со Скандинавами, а со Славянами—ни какого.

V. Жилище. На все продолженіе тѣхъ десяти дней, пока шла кройка и шитье платья для погребенія, Русы Ибнъ-Фадлановы положили своего знатнаго покойника „въ могилу, накрыли ее крышкой“, а сверху крышки положили слой земли ²⁾. По видимому, эта необыкновенная могила есть не что иное, какъ подражаніе жилищу тѣхъ „Русовъ“, или вообще „Славянъ“, о которыхъ говоритъ Ибнъ-Даста. „Холодъ въ ихъ странѣ“, говоритъ онъ, — „бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погребка, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышу, на подобіе крыши христіанской церкви, и на крышу накладываетъ землю. Въ такіе погребка переселяются со всѣмъ семействомъ“ ³⁾. Кажется, можно по всей справедливости сближать оба эти показанія, а если такъ, то выходитъ, что на время, проходившее между смертью и погребеніемъ знатнаго Руса на Волгѣ, его положили въ такое сооруженіе, которое имѣло видъ обыкновеннаго, всегдашняго его жилища на родинѣ. Но жилища подобнаго рода намъ не извѣстно ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ.

Сводя затѣмъ вмѣстѣ все сказанное, получаемъ вотъ какіе результаты: Всѣ наиболѣе характерныя этнографическія данныя, какія мы здѣсь рассмотрѣли изъ числа данныхъ, сообщаемыхъ Ибнъ-Фадланомъ и другими арабскими писателями, не имѣютъ никакого повода быть приуроченными къ славянской національности. А хотя нѣкоторыя изъ нихъ и имѣютъ пункты соприкосновенія или сходства съ этнографическими данными Скандинавовъ (какъ, напримѣръ, погребеніе въ ладьяхъ, длинные волосы мужчинъ, сѣкиры, плащи поверхъ

¹⁾ Гедеоновъ, Варяги и Русь, I, 370—371.

²⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 96, 97—98.

³⁾ Тамъ же, стр. 266.

короткаго, нижняго платья), за то другія данныя у этихъ же Скандинавовъ, не менѣ существенныя, совершенно отличны отъ сообщаемыхъ у Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей, и даже, болѣе того, діаметрально имъ противоположны. Таковы, напримѣръ, боги съ полною человѣческою фигурою, съ руками и ногами; жертвоприношенія посредствомъ жрецовъ; погребеніе безъ всякой покрывки на головѣ; отсутствіе понятія о награжденіи боговъ; отсутствіе деревянныхъ столбовъ, водруженныхъ надъ насыпью могилы; отсутствіе языческаго „ангела смерти“; отсутствіе верховой ѣзды въ X вѣкѣ; отсутствіе обширнаго помоста, на которомъ сидитъ постоянно князь со своимъ дворомъ, и т. д.

Но если, вѣсто того, чтобы непремѣнно считать „Русовъ“ Ибнъ-Фадлана Славянами и Русскими или же Норманнами, мы станемъ осматриваться у другихъ народовъ, и всего скорѣе, конечно, у тѣхъ народовъ, которые издревле жили, а частью даже и до сихъ поръ живутъ вблизи тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходитъ дѣло въ разказахъ Ибнъ-Фадлана, или же, если мы заглянемъ къ тѣмъ народамъ, которые имъ соплеменны и близко родственны,—то скоро замѣтимъ, что сходства въ бытовыхъ подробностяхъ здѣсь существуетъ несравненно больше, и найдемъ полное объясненіе многихъ деталей, которыя оставались неизвѣстными или необъяснимыми, пока мы ихъ искали у Славянъ и Норманновъ.

По моему убѣжденію, большинство этнографическихъ подробностей, описываемыхъ Ибнъ-Фадланомъ, всего скорѣе можно объяснить этнографическими данными народовъ Финнско-Тюркскихъ, при чемъ элементы финнскіе преобладаютъ, а тюркскіе составляютъ меньшую часть.

Переберемъ снова по порядку все то, что мы брали на разсмотрѣніе изъ разказа Ибнъ-Фадлана (а частью и другихъ арабскихъ писателей).

I. Религіозные обряды. Поклоненіе идоламъ, состоящимъ изъ деревяннаго столба, съ однимъ только вытесаннымъ или вырѣзаннымъ человѣческимъ лицомъ, безъ рукъ и безъ ногъ, и поставленнымъ на открытомъ мѣстѣ. Такія изображенія общи, даже и до сихъ поръ, всѣмъ Финнамъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ, а также и самымъ сѣвернымъ. Авторъ „Матеріаловъ для этнографіи Россіи“, г. Риттихъ, самъ путешествовавшій по финнскимъ мѣстностямъ, говоритъ про Черемисовъ Казанской губерніи: „Мнѣ случилось видѣть изображенія разныхъ идоловъ, найденныхъ по Уральскому хребту,

по дорогѣ движенія Чуди. Эти идолы не что иное, какъ камень или металлъ, коего нижняя часть въ видѣ суковатаго куска дерева, тогда какъ сверху сдѣлана человѣческая голова" ¹⁾. Кастренъ говоритъ также: „Деревянные идолы Финновъ-Лопарей бывали обыкновенно сдѣланы изъ бревна; корни отрублены прочь и выдѣланы такъ, что получалось сходство съ человѣческой головой, а остальное бревно оставалось не отесаннымъ. Торнеусъ разсказываетъ, что нѣкоторые идолы были просто бревна, вкопанные въ землю, но я полагаю, что эти идолы имѣли хотя отчасти человѣческой видъ. И это я заключаю изъ того, что въ послѣднее время (въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ) въ сѣверной Финляндіи находили старинныя деревья, на которыхъ изображены человѣческія фигуры... У Остяковъ одни идолы мужскіе, другіе женскіе. Всѣ, мною видѣнные, были деревянные, съ человѣческимъ обликомъ, но безъ рукъ и безъ ногъ. Разсказываютъ, что многіе изъ нихъ бывали очень богато украшены красными одесдами, шейными цѣпами, жестяными лицами, и т. д.“ ²⁾. Академикъ Миддендорфъ также много разъ встрѣчалъ подобныхъ же идоловъ у Остяковъ ³⁾. Знаменитый путешественникъ Норденшельдъ разсказываетъ, какъ онъ у Самоѣдовъ видѣлъ и покупалъ подобные же идолы (очень небольшого размѣра), и сверхъ того, прилагаетъ къ своему тексту ⁴⁾ копію со старинной голландской гравюры, по видимому начала XVII вѣка, съ изображеніемъ финскаго святилища на откромѣ мѣстѣ, гдѣ стоятъ деревянные идолы ⁵⁾.

Мы получаемъ здѣсь очень обстоятельное понятіе о собраніи тѣхъ идоловъ на берегу Волги, которымъ поклонялись кушцы-Русы, видѣнные Ибнъ-Фадланомъ. По срединѣ стоитъ столбъ съ главнымъ, наибольшимъ по размѣрамъ, идоломъ; кругомъ и по сторонамъ меньшіе идолы, изъ нихъ нѣкоторые, по видимому, изображаютъ женскія личности. Всѣ они безъ рукъ и безъ ногъ. Что тутъ надо разумѣть какое-то главное божество съ его родными („жены и дочери господина нашего“, говорилъ Русъ Ибнъ-Фадлану), это мы узнаемъ изъ свидѣтельства того же г. Риттиха, который разсказываетъ: „Моленіе

¹⁾ *Rymtiskt*, Материалы, ч. II, стр. 148.

²⁾ *Castrén*, Vorlesungen über die finnische Mythologie, S. 204, 218.

³⁾ *Middendorf*, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, IV B., S. 1425. Приложенный рисунокъ скопированъ у насъ на особой таблицѣ, № 1.

⁴⁾ *Nordenskiöld*, Die Umsegelung Asiens u. Europas auf der Wega, 1878—1880. Autorisirte deutsche Ausgabe, S. 74.

⁵⁾ См. на таблицѣ, прилагаемой при настоящей статьѣ, рисунокъ № 2.

Вотьяковъ совершается въ кереметяхъ (святилищахъ) или дуплахъ и во всемъ сходно съ черемисскимъ. Но при этомъ замѣчательно, что, вознося молитвы къ богу Инмару (олицетвореніе добраго начала), его матери и другимъ побочнымъ богамъ, они ставятъ передъ собою деревяннаго идола самой безобразной формы "... и т. д. ¹⁾.

Ивнъ-Фадланъ разказываетъ про столбы, поставленные вокругъ идоловъ и назначенные для развѣшиванія головъ отъ жертвъ. Это самое мы находимъ въ употребленіи у Финскихъ племенъ. „На деревья, растуція въ керемети“, говоритъ г. Сбоевъ, — „Чуваши вѣшали головныя и ножныя кости, а также кожи принесенныхъ въ жертву животныхъ, нѣкоторые на время, другія навсегда“ ²⁾. Мордва и Черемисы также развѣшиваютъ кожу жертвенныхъ животныхъ на деревьяхъ или столбахъ ³⁾.

Что касается до „наградъ“, раздаваемыхъ богамъ въ случаѣ выполненія ими, по мнѣнію молящагося, просьбы его, то эта особенность относитъ насъ ко временамъ самой глубокой древности, къ вѣрованіямъ фетишизма и шаманства, которыя, по всей вѣроятности, были принадлежностью финскихъ расъ въ ихъ первоначальной азіатской родинѣ, а теперь давно исчезли у нихъ. По описанію нашихъ путешественниковъ, многіе сибирскіе фетишисты еще и до сихъ поръ сѣкутъ своихъ божковъ, когда недовольны ими и желаютъ наказать ихъ, или же, наоборотъ, мажутъ имъ губы сметаной, масломъ, жиромъ, водкой или кровью, когда ими довольны и желаютъ наградить ихъ. Георги говоритъ: „Большинство идолопоклонниковъ (сибирскихъ) относятся къ своимъ идоламъ съ высокопочитаніемъ, преклоняются передъ ними во время молитвъ, берутъ ихъ съ собою на охоту, кормятъ или вымазываютъ ихъ кровью и жиромъ, обкуриваютъ ихъ жиромъ, мясомъ, кровью, сосновыми вѣтками, водкой и т. д. Другіе ругаютъ ихъ при неудачѣ, попрекаютъ ихъ прежними почетными приношеніями, бросаютъ ихъ на землю или въ воду и даже колотятъ ихъ“ ⁴⁾. Норденшельдъ разказываетъ, со словъ своего проводника Остяка, что во время жертвоприношеній, остяцкимъ идоламъ мажутъ

¹⁾ Риттихъ, Матеріалы, ч. II, стр. 208.

²⁾ Сбоевъ, Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губ., стр. 90.

³⁾ Русановъ, «Мордовскій молянъ», Пензенскія епарх. свѣдом., 1868, № 1, стр. 23; Риттихъ, Матеріалы, II, 174; Мельниковъ, «Очерки Мордвы», Русскій Вѣстникъ, 1867, т. LXXI, стр. 238.

⁴⁾ Georgi, Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, III Theil, S. 386.

губы кровью и водкой, и что въ этомъ онъ самъ, Норденшельдъ, убѣждался, судя по кровавымъ пятнамъ, которые были на рту у большинства изъ числа видѣнныхъ имъ¹⁾. У Мордвы, во время моленія, старикъ, совершающій его, держитъ надъ головою коровы и солонку, и указывая на припасы, „задабриваетъ бога и общается ему на будущій годъ еще роскошнѣйшую жертву“²⁾.

II. Погребальныя обряды. Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ, что послѣ смерти человѣка, его вынесли и положили въ особое мѣсто, гдѣ онъ ждалъ похоронъ цѣлые десять дней. У Финновъ такой страхъ и такое отвращеніе къ мертвымъ, что они, немедленно послѣ смерти человѣка, выносятъ трупъ его изъ своей избы и кладутъ въ другомъ мѣстѣ, до похоронъ. „Черемисы боятся покойниковъ“, говоритъ г. Риттихъ, — „и стараются какъ можно скорѣе спровадить его изъ дому... Крещенные Черемисы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ день похоронъ, выставляя покойника куда-нибудь подальше, въ амбаръ или другомъ мѣстѣ. Все это дѣлается изъ боязни, что покойникъ непременно долженъ попасть въ руки вадъшей или керемети (злыхъ духовъ) и затѣмъ дѣйствовать съ ними за одно“³⁾. Про Пермиковъ г. Роговъ говоритъ: „У церкви, до отпѣванія и похоронъ, покойника кладутъ въ нарочно для того устроенныя палатки. Пермьки вообще боятся держать въ своихъ домахъ умершихъ долѣе однихъ сутокъ“⁴⁾.

По Ибнъ-Фадлану, покойнаго Руса хоронятъ въ шапкѣ. „Умершаго Чувашенина кладутъ въ гробъ въ новомъ платьѣ, въ шапкѣ и рукавицахъ“, говоритъ г. Сбоевъ⁵⁾. „На умершаго Черемиса надеваютъ чистое бѣлье, рукавицы, кафтанъ, шапку,“ разсказываетъ г. Риттихъ⁶⁾. Мордвинновъ также всегда хоронятъ въ шапкѣ⁷⁾.

По разказу Ибнъ-Фадлана, къ числу подробностей погребальнаго обряда у Русовъ принадлежало, какъ выше сказано, между прочимъ

¹⁾ *Nordenskiöld, Die Umsiegelung, S. 84.*

²⁾ *Терновскій — Пензенскія губ. едом., 1867, № 36, стр. 211: «Моланы въ Мордовскомъ селѣ»; Майнотъ — Известія геогр. общ., 1877, «Очеркъ свѣдѣній о Мордвѣ», стр. 99.*

³⁾ *Риттихъ, Матеріалы, II, 192.*

⁴⁾ *Роговъ: «Матеріалы для описанія быта Пермиковъ», Пермскій Сборникъ, I, стр. 123—124.*

⁵⁾ *Сбоевъ, Исследования, стр. 131. То же самое дѣлается и для женщинъ.*

⁶⁾ *Риттихъ, Матеріалы, II, 192.*

⁷⁾ *Смирновъ, «Мордовское населеніе Пензенской губерніи», Пензенскія епарх. едом., 1875, № 5, стр. 2.*

и то, что покойника „сажали на скамейку“. По свидѣтельству г. Листова, у Мордвиновъ, во время поминокъ, „сродники покойнаго выбираютъ такого человѣка, который представлялъ бы собою поминаемаго умершаго. Его сажаютъ на переднемъ мѣстѣ, за столомъ, и пока онъ съ прочими ѣстъ и пьетъ, каждая изъ родственницъ покойника плачетъ надъ нимъ, облокотясь на его голову. Потомъ сажаютъ его на стулъ, выносятъ къ воротамъ“.... и т. д. ¹⁾).

По разказу Ибнъ-Фадлана, надъ могилою Руса вколачиваютъ деревянный столбъ. „Зарывъ могилу Чувашенина“, говоритъ г. Оболевъ, — „вколачиваютъ въ нее съ западной и восточной стороны по столбу, въ ростъ умершаго“ ²⁾. Г. Риттихъ разказываетъ, что послѣ окончанія погребенія Чувашенина, присутствующіе, среди неистовствъ, ругательствъ, и всякаго остервененія, вбиваютъ надъ могилою покойнаго колъ ³⁾. Надъ могилою Черемиса сажаютъ дерево, обыкновенно липу или дубъ,“ говоритъ также г. Риттихъ ⁴⁾.

Ибнъ-Фадланъ разказываетъ, что вокругъ того мѣста, гдѣ сожгли мертваго Руса и около лодки, „поставили деревянные изображенія, подобныя великанамъ“ ⁵⁾. Конечно, это опять точно такіе же столбы съ человѣческими лицами, истуканы, о какихъ говорено выше. Этотъ обычай сохранился даже до нашего времени, и я самъ, лѣтъ 25 назадъ, видѣлъ въ окрестностяхъ Петербурга, на финскомъ кладбищѣ, около 3-го Парголова, столбики деревянные съ человѣческими головами и безъ рукъ, водруженные надъ финскими могилами.

По словамъ Ибнъ-Фадлана, въ числѣ жертвъ, принесенныхъ передъ сожженіемъ Руса, были „пѣтухъ и курца, которыхъ зарѣзали и бросили въ судно“. Нѣкоторые наши изслѣдователи видѣли въ этомъ обрядѣ свадебный. Но обряды Финновъ показываютъ, что это былъ обрядъ похоронный. При погребеніи Чувашей, старшій въ семействѣ или юмси (знахарь) долженъ, еще до погребенія, оторвать голову пѣтуху и вмѣстѣ съ разбитыми тутъ же яйцами выбросить за ворота, въ жертву злымъ духамъ, которыхъ потомъ просятъ не пре-

¹⁾ Листовъ, «Религіозные обычаи и т. д. у Мордвы». Саратовскія епарх. епархіальныя извѣстія, 1866, стр. 1255.

²⁾ Оболевъ, Изслѣдованія стр. 132.

³⁾ Риттихъ, Матеріалы, II, 98.

⁴⁾ Тамъ же, 193.

⁵⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 97.

являть переходу умершаго на тотъ свѣтъ ¹⁾. У Мордвы, во время погребенія, рѣжутъ всегда курицу, даже во время постовъ, и сваривъ ее, ѣдятъ всѣ ²⁾.

Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ еще, что при погребеніи Руса, взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубали мечами и мясо бросали въ судно ³⁾. „У Черемисовъ“, говоритъ г. Риттихъ,—„во время моленія по поводу опасной болѣзни того, за кого молятся, барабанъ привязываютъ къ веревкѣ, на мѣстѣ жертвоприношенія, и гоняютъ вокругъ, нанося ему одновременно удары ножомъ со всѣхъ сторонъ, пока онъ не свалится. Тогда снимаютъ съ него шкуру, разрѣзаютъ на части, кладутъ въ котелъ и варятъ“. Вообще, у Черемисовъ животное, назначенное въ жертву богу, никогда не убиваютъ сразу, а напередъ истязаютъ. „Истязанія эти происходятъ изъ понятія Черемисовъ о керемети (зломъ духъ), который по алоости своей уславивается только подобными истязаніями“ ⁴⁾.

Не въ этомъ ли самомъ образѣ мыслей надо искать объясненія тѣмъ истязаніямъ, которыми подвергали Русы ту дѣвушку, которая добровольно желала умереть вмѣстѣ съ покойнымъ своимъ господиномъ? Пока двое мужичиѣ душили ее веревкой, старуха, носившая названіе „ангела смерти“, воззала ей много разъ между реберъ широкій ножъ. Если бы тутъ не было на лицо намѣренія „истязать“ передъ смертію бѣдную человѣческую жертву, то конечно, старуха могла бы однимъ ударомъ убить ее, при полномъ ея несопротивленіи, своимъ большимъ ножомъ. А что у древнихъ Финновъ приносились человѣческія жертвы, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. По разказу г. Свѣдлицкаго, мордовскія женщины, на извѣстныхъ моленіяхъ, обращаясь къ своему богу, произносятъ: „Дай намъ полны лавки ребятъ! На твое имя нужно бы рѣзать двѣ бабы—да жалѣли, то и рѣзали двѣ овцы“ ⁵⁾.

Самому названію этой старухи: „ангелъ смерти“ мы находимъ, кажется, объясненіе въ религіи Финновъ и Тюрковъ. Въ числѣ этихъ

¹⁾ *Обоозъ*, Исслѣдованія, стр. 131.

²⁾ *Смирновъ*: «Мордовское населеніе Пензенской губ.», *Пензенскія спарж. отдом.*, 1875, № 5, стр. 2.

³⁾ *Гаркави*, Сказанія, стр. 98.

⁴⁾ *Риттихъ*, Матеріалы, II, 174.

⁵⁾ *Свѣдлицкій*: «Праздникъ Петрооскоу въ мордовскомъ селѣ», *Пензенскія спарж. отд.*, 1870, № 22, стр. 700; *Майковъ*, *Извѣстія геогр. общества* 1877, стр. 101.

боговъ у Чувашей есть одинъ, носящій названіе „Эсрель“. По замѣчанію гг. Сбоева и Риттиха, это есть не что иное, какъ Азраилъ, ангелъ смерти мусульманъ; онъ поражаетъ людей и животныхъ, по понятію Чувашей, внезапною, но тѣмъ не менѣе мучительною смертію¹⁾. Какъ извѣстно, Чуваши, быть можетъ—Тюрки по происхожденію, представляютъ смѣсь народныхъ элементовъ тюркскихъ и финскихъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если у нихъ мы встрѣчаемъ ими Азраила, полученное отъ мусульманъ-Турковъ или мусульманъ-Арабовъ, многочисленными массами присутствовавшихъ на Волгѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ видѣлъ своихъ „Русовъ“ Ибнъ-Фадланъ, и служащее для выраженія божества финскаго. Если такое предположеніе справедливо, то въ лицѣ „лютой старухи“, распоряжавшейся погребальными обрядами и истязавшей въ минуту смерти дѣвушку, обрекшую себя на смерть, мы можемъ видѣть только знахарку или ворожею, замѣняющую и представляющую собою въ лицахъ злое божество, „ангела смерти“. Старухи играютъ вообще большую роль въ религіозныхъ и особенно похоронныхъ обрядахъ Финскихъ народовъ: онѣ являются примыми посредниками между людьми и богами. Такъ, напримѣръ, когда у Мордвы въ домѣ покойникъ, то старшая въ домѣ женщина, „особо на то назначенная“, сидитъ на порогѣ, и если услышитъ доброе слово объ умершемъ отъ проходящихъ, тотчасъ передаетъ его кому-то живущему подъ порогомъ, и напротивъ, „старается заговорить это существо, чтобъ оно не услышало, какъ о покойномъ отзываются плохо“²⁾. Великое моленіе въ Троицынъ день у Мордвы Саратовской губерніи справляется исключительно старухами³⁾. У Чувашей, тотчасъ послѣ смерти одного изъ нихъ, которая-нибудь родственница его (конечно, изъ старухъ) должна разбить надъ его головою сырые яйца⁴⁾. „Мордвинны вообще вѣрятъ“, говоритъ г. Листовъ,—„что есть такіе люди, въ особенности изъ женщинъ, которые могутъ видѣть умершихъ гостей поминаемаго покойника. Поэтому, во время поминокъ какая-нибудь старуха садится на порогъ,

¹⁾ Сбоевъ, Изслѣдованія, стр. 124; Риттихъ, Матеріалы, II, 90.

²⁾ Листовъ: «Религіозные обычаи и т. д. Мордвы», Саратовскія епархіал. вѣдом., 1866, № 36, стр. 1259; Майновъ, Извѣстія геогр. общ. 1877, стр. 93—94.

³⁾ Зерновскій, Саратовскій совр. листокъ, 1869, № 75; Майновъ, Извѣстія, стр. 102.

⁴⁾ Сбоевъ, Изслѣдованія, стр. 130—131.

и во все время, пока продолжастся столъ, не спускаетъ глазъ съ него. По окончаніи его, она разказываетъ роднымъ умершаго о томъ, кого она видѣла въ это время за столомъ изъ покойниковъ, и то, о чемъ они говорили между собою и что дѣлали¹⁾. Все это исполнѣ тожественно съ разказомъ Ибнъ-Фадлана, у котораго дѣвушка, передъ добровольною своею смертію, смотрѣла черезъ перекладину дверей (или черезъ какой-то карнизъ) и разказывала о томъ, какъ она видитъ покойныхъ родственниковъ умершаго²⁾.

Самый способъ удушенія, приводимый Ибнъ-Фадланомъ, имѣетъ характеръ, можно сказать, спеціально турецкій. Чтобы задавить человека, веревка и висѣлица были всегда въ самомъ распространенномъ употребленіи во всѣхъ странахъ Азии и Европы. Но чтобы для удушенія нужно было взять веревку за два конца и тянуть ее въ разные концы, — это мы встрѣчаемъ (сколько мнѣ до сихъ поръ извѣстно) только у народовъ Турецкаго племени. Эту сцену можно не разъ видѣть въ рисункахъ турецкихъ рукописей. Въ литературныхъ же турецкихъ памятникахъ нерѣдко можно встрѣтить разказы о задушеніи султановъ, принцевъ, визирей и другихъ лицъ веревкой, руками нѣсколькихъ нарочно посланныхъ для того людей. Такое душеніе всего болѣе практиковалось при восшествіи на престолъ новаго султана: въ Турціи принято было за правило, что при этомъ случаѣ надо стереть съ лица земли всѣхъ султанскихъ братьевъ, родственниковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, кто могъ стать претендентомъ на престолъ. И тутъ веревка работала въ рукахъ преданныхъ людей, которыхъ такъ и звали „арканщиками“ (кемендзены). Вслѣдствіе очень частыхъ дворцовыхъ заговоровъ и янычарскихъ бунтовъ, много было задушеній этого рода въ Константинополѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ. Въ 1512 году, при восшествіи своемъ на престолъ, султанъ Селимъ I задавилъ всѣхъ своихъ братьевъ и племянниковъ; въ 1603 году былъ задавленъ веревкой великій визирь Гассанъ, въ 1623 году Даудъ-паша, и т. д.³⁾ Но самый интересный и особенно подробно описанный турецкими историками случай, — это удушеніе султана

¹⁾ Листозъ, „Религіозные обычаи“, *Ориенталскія свѣдѣнія*, 1866, № 36, стр. 1259.

²⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 98—99.

³⁾ Большинство этихъ турецкихъ фактовъ, почерпнутыхъ частью прямо изъ турецкихъ рукописей, обязательно сообщено мнѣ, вслѣдствіе моихъ запросовъ, приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ турецкаго языка, В. Д. Смирновымъ.

Османа II въ 1622 году. Четыре человѣка, отраженные для того, нѣсколько разъ набрасывали султану арканъ на шею и волочили его по полу, но все не могли съ нимъ справиться, и довершили наконецъ свое убійство лишь тогда, когда одинъ изъ этихъ почтенныхъ исполнителей схватилъ султана за дѣтородныя части и раздавилъ ихъ ему пальцами ¹⁾).

Есть одинъ европейскій источникъ Х вѣка, гдѣ мы встрѣчаемъ и описаніе, и изображеніе задушенія посредствомъ двухъ человѣкъ, затагивающихъ узелъ на горлѣ своей жертвы въ разныя стороны. Это „Menologium Graecorum“, знаменитый памятникъ времени Византійскаго царя Василія II. Подъ 6-мъ ноябремъ изображена мученическая смерть св. Пампа патріарха Константинопольскаго, котораго „аріане задушаютъ его собственнымъ омофоромъ“ ²⁾, а подъ 18-мъ ноябремъ представлена мученическая же смерть св. Романа, котораго два палача задушаютъ въ тюрьмѣ, таща въ разныя стороны веревку, накинутую ему на шею ³⁾. Но въ первомъ примѣрѣ задушеніе омофоромъ есть, конечно, случай нечаянный и не предвидѣнный заранѣе; во второмъ же—св. Романъ задушенъ по спеціальному „приказанію императора Максиміана“ (jussu imperatoris): какииъ именно чужеземнымъ обычаемъ руководствовался тутъ этотъ императоръ, вообще проводившій всю жизнь въ лагеряхъ и внѣ отечества,—теперь сказать мудрено.

Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ, что пока несчастную дѣвушку душили и рѣзали ножомъ, „мужчины пачали стучать палками по щитамъ, для того, чтобы не слышны были звуки ея криковъ, и чтобы это не удержало другихъ дѣвушекъ, которыя потомъ не пожелаютъ умереть со своими господами“ ⁴⁾. Можетъ быть, палками стучали у Русовъ дѣйствительно для той цѣли, какую указываетъ Ибнъ-Фадланъ; но очень можетъ быть также, что цѣль была другая, которой не сообщили присутствующіе Арабу, и онъ самъ придумалъ потомъ объясненіе. У нѣкоторыхъ Финскихъ народовъ подобное стучаніе имѣло цѣлью изгнаніе злаго духа. „Обрядъ изгнанія злаго духа изъ дому“, говоритъ г. Риттихъ,—„происходилъ у Чувашей въ одинъ день съ жертвоприношеніемъ высшему богу, въ страстную пятницу. Этотъ

¹⁾ Hammer, Geschichte des Osmanischen Reichs, Band IV, S. 553.

²⁾ Menologium Graecorum, Urbini, 1727, p. 169.

³⁾ Ibid., p. 196.

⁴⁾ Горкави, Сказанія, стр. 99—100.

обрядъ начинается съ молитвъ, потомъ слѣдуетъ ѣда и питье, а кончается день тѣмъ, что каждый изъ молящихся вооружается палкой и начинаетъ бить по стѣнамъ, угламъ и разнымъ предметамъ внутри избы. Потомъ то же дѣлается на дворѣ и во всѣхъ надворныхъ строеніяхъ; затѣмъ выходятъ на улицу, и размахивая палками, ударяя по землѣ и по встрѣчнымъ предметамъ, вся толпа двигается впередъ ускоренно до ближайшаго ручья, оврага, и тогда всѣ бросаютъ палки и вслѣдъ имъ яйца и хлѣбъ, и возвращаются домой съ увѣренностью, что шайтанъ изгнанъ¹⁾.

Лодокъ для сожженія труповъ у Финскихъ племенъ не было, по видимому, въ употребленіи; по крайней мѣрѣ примѣры тому мнѣ невѣстны. Если же въ Курляндіи и встрѣчаются, близъ морскаго берега, могилы, выложенныя въ планѣ въ видѣ лодокъ (что у нихъ теперь называется „Wella laiwe“=чортовы лодки), то основательнѣйшіе мѣстные археологи признаютъ, что это обычай не коренной финскій, а заимствованный отъ Скандинавовъ, у которыхъ подобныя каменные устройства были въ большемъ употребленіи²⁾. Впрочемъ, можно здѣсь замѣтить, что при сожженіи умершаго, у всѣхъ народовъ сожигались или погребались всегда, въ числѣ прочихъ предметовъ, бывшихъ въ употребленіи у покойнаго, и тѣ предметы, которые служили ему для передвиженія: у однихъ—колесницы или повозки³⁾, у другихъ—верховые кони⁴⁾, у третьихъ—лодки⁵⁾, у четвертыхъ—сани⁶⁾. Изъ этого можно заключить, что тѣ Финскіе народы, которые были

¹⁾ *Rimnikъ*, Матеріалы, II, 99.

²⁾ *Grewingk*, Das Steinalter der Ostseeprovinzen, S. 44—45.

³⁾ У Скандинавовъ: *Weinhold*, S. 483. Вспомнимъ также, погребальную колесницу Аттилы.

⁴⁾ У всѣхъ кочевниковъ и конныхъ народовъ, въ томъ числѣ у Скифовъ, Тюрковъ, Монголовъ и т. д.

⁵⁾ У всѣхъ народовъ Германскаго племени, занимавшихся мореходствомъ или рыбною ловлей: *Weinhold*, S. 483.

⁶⁾ У многихъ сибирскихъ и финно-тюркскихъ народовъ (такъ напримѣръ, у Чувшей «покойниковъ иногда не воятъ на телегѣ и не несутъ на рукахъ, даже лѣтомъ, но тащутъ на саняхъ съ колокольчиками на кладбище»—*Римникъ*, II, 120), а также у восточныхъ Славянъ, или собственно Русскихъ: у этихъ послѣднихъ, какъ и у предыдущихъ, часто возили покойника хоронить на саняхъ, даже и лѣтомъ, и такъ было не только въ XI, XII, XIII и XIV вѣкахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ много разъ лѣтописи и рисунки рукописей (похороны Владиміра Святаго, Бориса и Глѣба, Владиміра Мономаха, Андрея Боголюбскаго, но даже въ XVII вѣкѣ при похоронахъ царей, царевнъ и царевичей (Царскіе выходы, стр. 700—701).

мореходы или рыболовы, навѣрное должны были погребать или сожигать своихъ покойниковъ въ лодкахъ, тѣмъ болѣе, что, какъ общевѣстно, самыя ладьи выдѣлывались изъ деревянной колоды точно также, какъ и древнѣйшіе гробы.

По разказу Ибнъ-Фадлана, дѣвушка, обрекая себя на смерть со своимъ господиномъ, передъ самою смертію своею нѣсколько разъ проституировала себя многимъ мужчинамъ ¹⁾. Это былъ, безъ сомнѣнія, священный обрядъ. У Финнскихъ народовъ подобный обрядъ не рѣдкость. Такъ напримѣръ, во время молянъ „кровяной бабѣ“ (Вермавѣ), мордовскія дѣвушки совершаютъ священную пляску, кончающуюся „свальнымъ грѣхомъ“ ²⁾.

III. Царь Русовъ.—Рабыни. Фигура царя Русовъ, начерченная Ибнъ-Фадланомъ, есть совершенная фигура царя или хана какого-нибудь народа кочевниковъ. Онъ постоянно сидитъ на одномъ мѣстѣ, на обширномъ своемъ тронѣ или царскомъ помѣщеніи, окруженный сподвижниками и наложницами, и встаетъ только для того, чтобы сѣсть верхомъ и ѣхать куда-нибудь. Народныя поэмы Тюрковъ и Монголовъ иначе не рисуютъ своего повелителя. Даже числа: 400 воиновъ, сподвижниковъ, 40 наложницъ—это цифры специально турецкія. Гаммеръ говоритъ, что числа 4 и 40—священны у Турецкихъ племенъ ³⁾. Тотъ тронъ, на которомъ сидятъ ханы и цари Тюрковъ, не есть стулъ, или кресло, какъ мы привыкли себѣ представлять: тронъ этотъ есть площадка, на высокихъ ножкахъ, съ которой можно прямо садиться на лошади, и притомъ такая обширная, что на ней можно не только удобно сидѣть, поджавъ ноги, но и лежать во весь ростъ, а значить, и исправлять, если угодно, всѣ тѣлесныя надобности, въ томъ числѣ и „совокупленіе съ наложницами при всѣхъ“, о которомъ говоритъ Ибнъ-Фадланъ. Этотъ послѣдній актъ не разъ можно встрѣтить въ рисункахъ турецкихъ и персидскихъ рукописей, при чемъ нарисовано иногда, что другія лица смотрятъ въ окна или двери. Эти площадки бывали иногда такъ обширны, что вмѣщали цѣлый дворъ царя, и поэмы азіатскихъ народовъ-кочевниковъ, явно преувеличивая реальность, описывали ихъ въ такихъ формахъ: „Въ

¹⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 98.

²⁾ Сидлинскій, «Мордовскій праздникъ Вермавы», *Нижегородскія епарх. вѣдомости*, 1871, № 19, стр. 596; № 20, стр. 633; *Майновъ, Извѣстія географ. общ.*, 1877, стр. 100.

³⁾ Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reichs*, т. I, S. 565.

палатѣ у могущественнаго Богдо-Джангара Юзенговича возвышается серебряное сѣдалище о 82 углахъ, съ привѣшенными къ нему 900 звѣнящими кругами; сѣдалище это покрыто 500 шелковыми покрывалами и подушками. Къ золотой подушкѣ, сдѣланной изъ 44 матерій и украшенной 3,000 складокъ, прислоняетъ свое золотое плечо Богдо-Джангаръ, и думаетъ о многочисленныхъ народахъ. Направо отъ владыки сидитъ...“ (слѣдуетъ описаніе всего двора и сподвижниковъ Джангара, сидящихъ направо и налево отъ главнаго дѣйствующаго лица ¹⁾). Конечно, вѣчто въ этомъ родѣ надо представлять себѣ о царѣ „Русовъ“ съ которымъ на одномъ „престолѣ“ сидятъ 40 наложницъ, тогда какъ подъ его „престоломъ“ сидитъ „400 человекъ изъ храбрыхъ сподвижниковъ его и вѣрныхъ ему людей“. Что въ дѣйствительности троны-площадки бывали очень обширны у Туркскихъ царей и султановъ, мы можемъ это видѣть въ рисункахъ рукописей. Одинъ изъ лучшихъ примѣровъ я могу указать въ турецкой рукописи, принадлежащей Императорской публичной библіотекѣ и происходящей изъ коллекціи Фролова. Это „Искендеръ-наме или Александриада“, рукопись 1561 года, въ высокой степени художественно и роскошно исполненная и принадлежавшая послѣднему Крымскому хану Шарият-Гирею. Здѣсь, на листѣ 232-мъ, представленъ царь и царевичъ, сидящіе въ палаткѣ на одномъ тронѣ-эстрадѣ, поджавъ подъ себя ноги.

Употребленіе подушки извѣстно у Финскихъ и Туркскихъ племенъ съ глубочайшей древности, и мы встрѣчаемъ упоминаніе ея во всѣхъ ихъ древнѣйшихъ народныхъ поэмахъ. Въ „Калевалѣ“ она встрѣчается очень часто ²⁾.

Относительно прислужницъ и рабынь надо замѣтить, что, какъ извѣстно, у восточныхъ народовъ женщины всего болѣе участвовали въ домашнихъ послугахъ въ продолженіе цѣлаго дня. Онѣ подавали, въ томъ числѣ, конечно, и умываться своимъ господамъ, какъ это упоминаетъ въ своемъ текстѣ Ибнъ-Фадланъ. Что такова была ихъ спеціальная обязанность, мы находимъ это не разъ упомянутымъ въ поэмахъ и пѣсняхъ Туркскихъ народовъ. Такъ напримѣръ, въ одной турецкой поэмѣ визиря говорятъ своему хану про одну красавицу, что она такой неописанной красоты, что „ваша-де жена (ханша)

¹⁾ *Bergmann*, Nomadische Streifereien, B. IV, S. 183.

²⁾ Напримѣръ, см. *Kalewala*, übersetzt von *Schiefner*, S. 26, 58, 224 и т. д.

недостойна ей наливать воду чтобъ умываться" ¹⁾). Поэтому-то, это самое выраженіе мы встрѣчаемъ въ старѣйшей и лучшей редакціи нашей сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ, наполненной турецкими бытовыми подробностями ²⁾). Одна царевна говорить Еруслану: „Есть, господине, въ полѣ кочуютъ двѣ царевны, и у тѣхъ царевенъ краше меня дѣвки, которыя на руки воду подаютъ". Подобныя дѣвки подаютъ умываться и Русамъ Ибнъ-Фадлана, только эти „Руси" не Русскіе и не Славяне, потому что тѣ моютъ и чешутъ себѣ при этомъ волосы, а у Славянъ въ X вѣкѣ не было волосъ на головѣ, которые можно было бы чесать. Та прическа Русскаго простаго народа, которую мы привыкли считать коренною русскою, истинно-національною, прическа „подъ скобку" и „въ кружокъ", явилась у насъ, какъ оказывается, вовсе не съ начала существованія нашего отечества, и никакъ не рапѣ введенія христіанства. Она есть заимствованіе изъ средневѣковой Европы. Что же касается до Финнскихъ народовъ, обитавшихъ въ то время на Волгѣ, около Булгаръ, то разказъ и въ этомъ отношеніи очень легко можетъ къ нимъ относиться. Въ своихъ финнскихъ раскопкахъ графъ Уваровъ нашелъ множество гребней металлическихъ и костяныхъ, какъ въ мужскихъ, такъ и женскихъ могилахъ ³⁾). У Турецкихъ народовъ, брившихъ голову, гребни были въ большомъ употребленіи, судя по ихъ поэмамъ, только у женщинъ ⁴⁾).

IV. Одежда и вооруженіе. Одежда Финнскихъ и Турецкихъ народовъ имѣетъ много общаго, можно сказать, тождественна съ тою одеждою, какую описываетъ у Русовъ Ибнъ-Фадланъ. Глиняный идолъ, или вообще статуэтка изъ обожженной глины, найденный графомъ Уваровымъ во время его мерянскихъ раскопокъ, представляетъ намъ точно такую короткую одежду, какую подъ именемъ „куртки" видѣлъ у Русовъ Ибнъ-Фадланъ ⁵⁾). Этотъ идолъ доказываетъ, какъ давно уже существовалъ у Финнскихъ народовъ тотъ самый костюмъ, который былъ потомъ въ употребленіи у Финновъ во время Ибнъ-Фадлана. Что очень короткія нижнія „куртки" составляютъ особую

¹⁾ Radloff, Proben der Volksliteratur türkischer Stämme, B. III, S. 358.

²⁾ Летописи русской литературы 1859, изд. Тихонравова: «Сказаніе о вѣномъ славномъ богатырѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ», по рукописи Ундольскаго.

³⁾ Графъ Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 172.

⁴⁾ Radloff, Proben, B. III, множество мѣстъ.

⁵⁾ Графъ Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, атласъ, л. XXXIII, рис. 1 и 1а. Нашъ рисунокъ № 3.

принадлежность Финновъ, мы узнаемъ изъ того, что подобныя же очень короткія куртки всегда принадлежали къ числу самыхъ коренныхъ элементовъ не только мужскаго, но и женскаго костюма у западныхъ Финновъ ¹⁾. Что подобныя же нижнія куртки были всегда въ большемъ употребленіи и у Тюркскихъ племенъ, мы можемъ заключать изъ того, что куртки (впрочемъ безрукавки) были въ употребленіи у разныхъ Татаръ Крымскихъ и Кавказскихъ даже и до нашего столѣтія ²⁾. Другую одежду, кафтанъ, надѣвавшійся сверхъ куртки, мы видимъ на той человѣческой фигурѣ, которая изображена на камнѣ Ананьинскаго могильника ³⁾.

Шерстяные плащи, по видимому—подобные тому, какой описанъ у Ибнъ-Фадлана подъ именемъ „кисы“ (плащи такіе, какъ у монаховъ и пастуховъ, говоритъ Френтъ ⁴⁾), находимы были въ могильныхъ раскопкахъ у Эстовъ и Ливовъ ⁵⁾.

Шапки съ мѣховымъ околышемъ, до сихъ поръ употребительныя у всѣхъ вообще Финновъ, идутъ изъ временъ глубокой древности: мы видимъ такую шапку на головѣ у человѣческой фигуры на надгробномъ камнѣ Ананьинскаго могильника. Быть можетъ, это тѣ самыя „колпаки“, которые составляютъ характерную особенность Пермиковъ.

Мечи, сѣкиры и ножи были въ величайшемъ употребленіи у всѣхъ народовъ Финнскаго племени: это доказываютъ многочисленныя ихъ находки при всѣхъ раскопкахъ финнскихъ могилъ, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ. Графъ Уваровъ замѣчаетъ, что ножи почти постоянно находимы были въ мерянскихъ могилахъ не только мужскихъ, но и женскихъ, и дѣтскихъ ⁶⁾. Это дѣлаетъ понятнымъ фактъ, сообщаемый Ибнъ-Фадланомъ, что каждая женщина у Русовъ носила

¹⁾ *Wachlin*, Beiträge zur Kenntniss Finnlands in ethnographischer Beziehung, S. 140—144. См. рисунки костюмовъ Эстовъ и Ливовъ въ атласъ, приложенномъ къ сочиненію *Kruse*: *Necrolivonica*, таблицы: 1—2, 4—6.

²⁾ См. *Geissler*, Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche etc. im Russischen Reiche, Blätter: 21, 24, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 39. Гейслеръ былъ спутникомъ Палласа.

³⁾ Труды перваго археологическаго съѣзда, таблица IV, рис. 1. Нашъ рисунокъ № 4.

⁴⁾ *Frähn*, Ibn-Foslan, Anmerkung 29, S. 75.

⁵⁾ *Kruse*, *Necrolivonica*, Beilage, S. 16; *Bahr*, Graber der Liven, S. 17.

⁶⁾ Графъ Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 114. См. также раскопки г. Кельсиева въ Ярославской и Тверской губерніяхъ: Протоколы комитета по устройству антропологической выставки, №№ 38 и 49.

ножь, привѣщенный къ той коробочкѣ, которая виситъ у нихъ на груди. Притомъ графъ Уваровъ замѣчаетъ, что „найденные имъ въ мерянскихъ курганахъ ножи имѣютъ болышею частью самыя миніатюрныя размѣры и не могли служить ни къ чему другому, какъ только для домашнихъ работъ“ ¹⁾. Замѣчу еще, что въ древнихъ могилахъ Ливовъ перѣдѣо находили, въ числѣ привѣсокъ на груди, маленькіе сабельки или ножи съ ручкой ²⁾.

У Туркскихъ племенъ, имѣющихъ всегда столько общаго съ Финскими, также всегда носится ножъ при себѣ, кромѣ остальнаго оружія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ, между прочимъ, фигура Болгарина X вѣка, изображенная въ знаменитой Миней царя Василія II, хранимой въ Ватиканской библіотекѣ: на этомъ Болгаринѣ (не представляющемъ еще никакихъ славянскихъ этнографическихъ особенностей) короткій мѣховый тулупчикъ одного покроя и размѣра съ кафтаномъ на фигурѣ Ананьинскаго могильника, мѣховая шапка на головѣ, очень похожая на шапку той же человѣческой фигуры Ананьинскаго могильника, а у пояса на правой сторонѣ коротенькій ножъ, оплѣтъ-таки точь въ точь какъ у той же фигуры Ананьинскаго могильника ³⁾. Въ рукѣ у него мечъ, такой же, какіе во множествѣ находимы были въ финскихъ могилахъ.

Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что мечи Русовъ — „широкіе, волнообразные, клинки франкской работы. Начиная отъ ногтя каждаго изъ нихъ до его шеи видны зеленныя деревья, изображенія и другія вещи“ ⁴⁾. Эти же самыя мечи Ибнъ-Даста называетъ уже не „франкскими“, а „сулаймановыми“, то-есть, восточными, такими, коихъ жельзо происходитъ изъ земли Сельмана; а ковались они въ Хорассанѣ, по объясненію арабскаго писателя Аль-Кинди ⁵⁾. Мнѣ кажется, послѣднее происхожденіе болѣе вѣроятно, потому что въ Европѣ, до XIV — XV столѣтій неизвѣстно мечей съ „волнообразнымъ“

¹⁾ Графъ Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 114.

²⁾ Ваehr, Graeber der Liven, Tafel XI, № 16.

³⁾ Menologium Graecorum, Urbini, 1727, стр. 132; Прохоровъ — Русскія древности, 1871, атласъ. Такъ какъ въ обоихъ предыдущихъ изданіяхъ рисунокъ очень невѣренъ (у Прохорова онъ скопированъ съ упомянутого выше урбинскаго изданія), то я прилагаю при семъ рисунокъ № 5-й, прорисъ съ очень вѣрной копіи въ краскахъ, сдѣланной, по моему порученію, въ 1880 году, во время прошлогоднихъ моихъ заплѣтъ въ Ватиканской библіотекѣ.

⁴⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 93.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 268.

клинкомъ ¹⁾), тогда какъ въ Азіи они были давно уже извѣстны: Клеммъ говоритъ про китайскія и индѣйскія сабли съ подобнымъ волнообразнымъ клинкомъ въ Дрезденской коллекціи ²⁾). У Скандинавовъ можно было бы предполагать, конечно, мечи волнообразной формы, такъ какъ нѣкоторые мечи носили имя „Brand“, то-есть, пожаръ, огонь, пламя ³⁾), и значить, могли имѣть видъ волнистый, но такихъ мечей до сихъ поръ въ дѣйствительности не открыто, и это остается только предположеніемъ.

У Скандинавовъ были извѣстны мечи съ изображеніями на клинкахъ: такъ, напримѣръ, въ Эддѣ описывается знаменитый мечъ героя Гельги такимъ образомъ, что „у ручки его было кольцо, на клинкѣ — сердце, на концѣ его былъ ужасъ, остріе скрывало кроваваго дракона, на клинкѣ же разметывала свой хвостъ жаба“ ⁴⁾), но легко можетъ быть, что именно этого рода мечи были у Скандинавовъ финнскаго происхожденія. Алквистъ именно замѣчаетъ, что Финны, какъ отличные кузнецы, всегда славились своими мечами, которые были часто прославляемы и Скандинавами, получавшими ихъ отъ Финновъ ⁵⁾). У самихъ Финновъ мечи, по видимому, заключали гораздо болѣе и разнообразнѣйшихъ изображеній. Въ Калевалѣ мы читаемъ про мечъ Вайнемейнена, что у него „на клинкѣ свѣтилъ мѣсяцъ, на ручкѣ сіяло солнце, на спинкѣ стоялъ конь, на шнискѣ мяукаетъ кошка“ ⁶⁾).

На счетъ металлическихъ коробочекъ, носимыхъ женщинами Русовъ на груди, я не могу не согласиться съ мнѣніемъ г. Котляревскаго ⁷⁾), который ихъ отождествляетъ съ тѣми привѣсками на груди (бляхами или пряжками) въ видѣ двухъ сложенныхъ вмѣстѣ чашекъ, покрытыхъ прорѣзными и иными узорами, которыхъ открываютъ такъ много, съ одной стороны въ финнскихъ, лифляндскихъ и курляндскихъ курганахъ ⁸⁾), а съ другой—въ скандинавскихъ ⁹⁾). Общее

¹⁾ Klemm, Werkzeuge und Waffen, I-r B., S. 286.

²⁾ Klemm, Werkzeuge und Waffen, I-r B., S. 168, 237.

³⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, S. 197.

⁴⁾ Edda, übersetzt von Simrok, S. 122; Weinhold, S. 197.

⁵⁾ О древней культурѣ Финновъ, по Алквисту составилъ Л. Майковъ, стр. 25.

⁶⁾ Kalewala, übertragen von A. Schiefner, S. 286.

⁷⁾ Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, стр. 022—023.

⁸⁾ Графъ Уваровъ, Мериане и ихъ бытъ, стр. 84—85, атласъ, листъ XXVIII; Kruse, Necrolivonica, таблицы XIV и XXXV; Bähr, Gräber der Liven, табл. VII.

⁹⁾ Чешскій профессоръ Воцель признаетъ за коробочку, тождественную съ

ихъ происхожденіе должно было быть азіатское, такъ какъ подобныя же привѣски, въ видѣ сложенныхъ вмѣстѣ чашекъ, были извѣстны и у Византійцевъ, а отъ нихъ заимствованы впослѣдствіи и Русскими. Такъ-называемыя „бармы“ христіанскаго времени суть не что иное, какъ подобныя же привѣски, только уже заключающія части мощей, вмѣсто прежнихъ языческихъ амулетовъ. Ихъ носилось на груди по нѣскольку, привѣшенныхъ на одну цѣпь или шнурокъ ¹⁾. Откуда заимствовали такую моду привѣсковъ на груди, въ видѣ сложенныхъ чашекъ, образовавшихъ коробочку, сами Византійцы, — того покуда еще не разслѣдовано.

V. Жилище. Я уже говорилъ выше, что по моему мнѣнію та могила, въ которую на 10 дней клали, при Ибнѣ-Фадланѣ, умершаго Руса, имѣла ту самую форму, какую имѣли на ихъ родинѣ, по словамъ Ибнъ-Дасты, дома „Славянъ“. Мнѣ казалось, что между обоними описаніями тожество полное. Ибнъ-Даста говоритъ: „Холодъ въ странѣ Славянъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ

коробочками Ибнъ-Фадланова описанія, ту коробочку, составленную изъ двухъ серебряныхъ пластинокъ, съ изображеніемъ сверху оленя и птицы, которая была найдена въ землѣ близъ чешской деревни Желенки (*Wocel, Archäologische Parallelen, Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften*, 1853, B. XI, S. 754). И дѣйствительно, общій видъ коробочки (представленной у насъ въ вѣрной копіи, подъ № 6) не противорѣчилъ бы, пожалуй, этому остроумному объясненію, тѣмъ болѣе, что внизу коробочки видны прихвѣланныя кольца, на которыхъ что-то привѣшивалось, и профессоръ Вонель предполагаетъ, что это былъ, какъ у Ибнъ-Фадлановыхъ Русовъ, ножъ: черенокъ отъ подобнаго ножа нашелся въ той же чешской могилѣ, недалеко отъ коробочки. Но все это предположеніе разрушается тѣмъ фактомъ, что и коробочка, и черенокъ отъ ножа найдены не на груди у остопа покойницы, а на боку (*auf der Hüfte*). Это обстоятельство все намѣняетъ. Множество раскопанныхъ графомъ Уваровымъ и г. Кальсіевымъ персянскихъ могилъ показываютъ намъ, что небольшіе ножи лежали у женщинъ, въ могилѣ, на боку, у бедра, подобно тому какъ они, вѣроятно, носились всегда и при жизни. Подъ № 7 я прилагаю рисункъ ножа съ коробочкой сербской женщины (1810 года), носимаго на боку, у пояса; оригиналъ, по словамъ Клемма, находится въ Дрезденскомъ музеѣ. Такія коробочки назначались у сербскихъ женщинъ для ношенія игловокъ (*Klemm, Werkzeuge und Waffen*, I, S. 138.); вѣроятно, для того же употреблялась и чешская коробочка Вонеля. Коробочки Русовъ имѣли, конечно, совершенно иное назначеніе: и скандинавскія, и финскія подобныя коробочки или чашки—прорѣзаныя.

¹⁾ Рязанскія бармы: Древн. Госуд. Росс., отдѣл. II, табл. 33—37; Киевскія бармы: «Владимірскій владѣ», статья В. Отасова—*Извѣстія Археол. Общ.*, 1866, стр. 144—145, таблица III.

землѣ родъ погреба, къ которому придѣлывается деревянную остроугольную крышку, на подобіе крыши христіанской церкви, и на крышу накладываютъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни на огнѣ до-красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, то поливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагревающий жильѣ до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до весны¹⁾.

Подобныхъ жилищъ ни у Скандинавовъ, ни у Славянъ мы не знаемъ. Но полное тожество съ описаніями Ибнъ-Дасты и Ибнъ-Фадлана мы находимъ въ самой характерной и коренной формѣ жилищъ Финновъ. Кастренъ разказываетъ: „Въ окрестностяхъ Канни и въ русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть древности, такъ-называемые лопарскіе курганы, могилы (*lapin haudat*), которыя несомнѣнно лопарскаго происхожденія. Онѣ, по преданію, служили жилищами для Лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя мною въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это не что иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разказамъ, такіа крыши были нѣкогда и на такъ-называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Кареліи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя желѣзныя вещи и проч., что подтверждаетъ разказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами“. Къ этому г. Л. Майковъ прибавляетъ, что „подобныя же ямы встрѣчаются во множествѣ и въ Вологодской губерніи, въ Яренскомъ уѣздѣ, а также близъ городовъ Вельска и Никольска.... По мнѣнію г. Алквиста, вышеописанныя земляныя жилища носили названіе *sauna*, слово, довольно широко распространенное въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, и быть можетъ, происходящее отъ *saui*, *sauci*, дымъ.... Постройки, въ родѣ *sauna*, встрѣчаются не только въ Финляндіи, но и у другихъ Финскихъ племенъ. Вотъ что разказываетъ г. Арсеньевъ²⁾ про лѣсныхъ зѣбропромышленниковъ Зырянъ: „По прибытіи на мѣсто, гдѣ думаютъ промышленники производить свои промысловыя запятія, они строятъ себѣ лѣсную баню—пывзанъ, бревенчатую избушку въ 7—8 рядовъ, покрывая ее на одинъ скатъ досками и насыпая на крышу землю. Въ такой избушкѣ складывается

¹⁾ Гаркави, Сказанія, стр. 266—267.

²⁾ Арсеньевъ, Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, стр. 24—25.

ПРОСВ, АВГУСТЪ.

6.

7.

, арсеналъ, Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, стр. 24—25.

въ углу печь, или лучше сказать, каменка, подобная тѣмъ, какія бываютъ въ черныхъ деревенскихъ баняхъ. По стѣнамъ избушки настилаются широкія нары; на нихъ промышленники спятъ, а иногда и парятся... Пивзаны строятся Зырянами вездѣ, гдѣ производятся ими работы, на пожняхъ, на пустошахъ, на подсѣкахъ, на вырубкахъ, гдѣ дѣлаются заготовки бревенъ, на сплавахъ, на берегахъ большихъ рѣкъ, гдѣ Зыряне ловятъ рыбу, и наконецъ, въ лѣсныхъ трущобахъ, гдѣ они занимаются охотничьимъ промысломъ¹⁾.

И такъ, въ описаніи могилы Руса у Ибнъ-Фадлана и въ описаніи жилища „Славянъ“ мы встрѣчаемъ тѣ самыя характерныя черты, которыя присутствуютъ въ саапа западныхъ Финновъ, и въ пивзанъ восточныхъ Финновъ.

Подводя итогъ всему рассмотрѣнному и сравненному мною, я считаю себя въ правѣ утверждать, что въ „Русахъ“ Ибнъ-Фадлана и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ писателей невозможно видѣть Русскихъ, Славянъ, и что, поѣтому, пора вычеркнуть рассказы этихъ писателей, и особенно Ибнъ-Фадлановы, изъ числа тѣхъ описаній, которыя должны служить для опредѣленія бытовыхъ чертъ Русскаго народа въ первыя столѣтія его существованія. Рассказы Ибнъ-Фадлана, столько выдающіеся изъ числа всѣхъ другихъ арабскихъ рассказовъ о народахъ на Волгѣ, очень интересны и очень важны, но только не для исторіи собственно самаго Русскаго народа. Какой именно тотъ народъ, который онъ описываетъ подъ именемъ „Русовъ“, — трудно опредѣлить; однакоже этнографическія данныя доказываютъ, что всего скорѣе подъ этимъ именемъ надо разумѣть какой-то народъ на Волгѣ, близъ Булгаръ, въ бытѣ котораго совмѣстно присутствовали элементы финнскихъ и тюркскихъ народовъ.

¹⁾ О древней культурѣ западныхъ Финновъ, стр. 40—42.

В. Стасень.